

12 5 ОКТ 1974

К 150-летию МАЛОГО ТЕАТРА

Елена ГОГОЛЕВА:

«ПРОБИТЬСЯ К СЕРДЦУ ЗРИТЕЛЯ»

В юбилейные дни на сцене Малого театра состоится премьера «Грозы» А. Н. Островского. Роль сумасшедшей барыни режиссер спектакля Б. А. Бабочкин поручил народной артистке СССР, лауреату Государственной премии СССР Елене Николаевне Гоголевой.

...Она вошла в артистическую комнату прямо с репетиции. Пока разгримировывалась, все еще жила событиями «Грозы». Вновь и вновь повторяла про себя одну и ту же фразу, будто «примеряла» ее к образу. И каждый жест из порывистого, напряженного становился уверенным и точным...

Елена Николаевна Гоголева. Как всегда элегантная и стройная, с необыкновенными, сияющими глазами. Я обратила внимание на большую брошь с изображением прекрасного, знакомого лица...

— Да, это Мария Николаевна Ермолова, великая актриса, мой кумир. В юности помню я зрительный зал Малого театра, где мне, тогда еще неискушенной зрительнице, пришлось пережить немало волнений, немало прекрасных минут. Я застала на сцене Малого театра Садовскую, Лешковскую. А увидев в спектакле «Без вины виноватые» Ермолову, я была так потрясена, что разрыдалась прямо у рампы.

Мария Николаевна была подлинной актрисой Малого театра. Меня поражало, как умела она сочетать вулканические взрывы чувств со строгой выдержанностью игры, исполненной лиризма. Она совершала чудо даже в малоинтересной роли: гений Ермоловой властно пробивался к сердцам зрителей.

Мне кажется, именно благодаря ей я почувствовала себя актрисой, представительницей великой профессии, предназначенной, как и поэзия, «глаголом жечь сердца людей».

Что я понимаю под словами «актриса Малого театра»? Прежде всего реалистическое раскрытие образа, то есть умение через индивидуальный характер выразить типические явления. При этом образ должен быть создан средствами яркой театральности, без подмены сценической правды мелким житейским правдоподобием. Традиция Малого театра требует также высокой культуры сценической речи, полновзвучного русского слова.

Все эти требования я старалась учесть в своей работе. Особенно важно это было в создании образа актрисы Гореловой в пьесе Б. Лавренева «За тех, кто в море». Я редко просила о какой-либо роли, но эту мне хотелось исполнить во что бы то ни стало. Мне близка эта героиня, ее интеллигентность, необычайная душевная тонкость, и я играла ее как бы «от себя», не обращаясь к каким-либо прототипам.

Для актрисы очень важно играть в хорошо знакомой обстановке, будто нет другой жизни, кроме той, которая проходит в этот вечер перед зрителями на сцене. Такой стала для меня и Панова в «Любови Яровой» Тренева. Образ этот насыщен подлинной жизнью: Панова потеряла свою призвание, выдуманную правду, а настоящую, яркую правду понять не смогла. В этом стержень роли, ее драматическая острота.

К сожалению, после Пановой ко мне прицепились отрицательные образы так называемых «роковых женщин». Поэтому-то столь великую радость доставила мне работа над спектаклем «За тех, кто в море», где я вышла из привычного амплуа и преобразилась в свою современницу.

К числу любимых ролей могу также отнести Надежду Монахову в горьковских «Варварах». Поначалу я не видела в героине интересного человека, хотела отказаться. Наконец решила обратиться за советом к Марии Федоровне Андреевой, хорошо знавшей мысли самого Горького при создании этого произведения. Мы проговорили с ней долго, но я не только вслушивалась в рассказ собеседницы — смотрела в огромные ее глаза, приглядывалась к ее медленной, мелодичной манере говорить. И тут мне открылась Надежда, ее чистота и жажда любви. Этой ролью я целиком обязана Марии Федоровне.

Может быть, попробуем продолжить список лучшего? Джессика в «Венецианском купце», Татьяна в «Старике», Софья в «Горе от ума» (кстати,

после меня сменилось уже шесть исполнительниц), Лариса в «Бесприданнице», Юдифь в пьесе «Уриэль Акоста»... Впрочем, стоп, стоп. Вы представляете, сколько ролей могла сыграть актриса за 57 лет сценической жизни?

Лучше поговорим о том, что я ценю в спектакле и роли. Мне кажется, любой постановке, будь то сцены из рыцарских времен или пьеса 60-х годов, необходима злободневность. Театр тем и прекрасен, что он не может явиться как законченное раз и навсегда. Театр — искусство живое, поэтому сегодня на сцене нельзя играть по-старому. Даже за сутки в мире происходит столько событий! Да и сам ты не остаешься прежним, что-то изменяется и в твоей жизни. Словом, необходима эволюция образа.

Возьмите «Стакан воды», который десятилетиями не сходит с афиши Малого театра. Около тридцати лет играла я в этом спектакле герцогиня Мальборо. О, сперва я играла женскую ревность, строила козни королеве, и мне прекрасно помогал в этом партнер Константин Зубов. Прошли годы — и я увидела в герцогине Мальборо ее социальную, государственную сущность. Мне вспомнился недоверчивый, острый, как бритва, быстрый взгляд Уинстона Черчилля с киноэкрана. Герцогиня смотрела так же, оценивая каждого, взвешивая судьбы человеческие на весах политики.

Недаром говорят, что в пьесах должно быть второе, подводное течение. По нему-то и должен прокладывать путь актер. А это значит: думать более глобально и более глубоко. В «Привидениях» Ибсена мне не сразу далась внутренняя жизнь фру Альвинг. Сперва я видела только мать, и лишь позже акцент был перенесен на ее мироощущение — предрассудки общества, которые привели ее к катастрофе. Да, люди боятся завтрашнего дня, остерегаются нового. Евгений Велихов и Никита Подгорный очень тонко уловили этот конфликт, и на сцене ожил исполнительский ансамбль.

Трудно сказать, что именно подводит актеров к решению образов. Происходит это по-разному. Моя Елена в «Воеводе» пошла от живописи Васнецова. Рождение миссис Кроули в «Ярмарке тщеславия» во многом помог точный грим.

Довелось мне работать с блестящим грузинским режиссером Константином Александровичем Марджановым. Не навязывая своих решений, без лишнего слов он умел правильно истолковать идею спектакля, умел подвести актера к глубокому раскрытию образа путем вдохновенной мысли, вложить мудрое содержание в прекрасную форму. Он доказал, что художник не должен бояться красоты на сцене: если она осмысленна — она необходима. Творческая радость общения с ним на сцене Малого театра остается лучшим воспоминанием моей театральной жизни. На одной из последних постановок я встретила с интересным режиссером Леонидом Хейфецем. Его манера свободна от штампов. Его спектакль «Перед заходом солнца» не сходит с нашей афиши: режиссер сумел не только использовать традицию прославленной сцены, но и развить их.

Я с гордостью ношу высокое звание — актриса Малого театра: оно ко многому обязывает, ведь это значит быть преемницей Марии Ермоловой, Ольги Садовской.

Материал подготовила
Г. ЦЕСАРСКАЯ.